Михалёв А.Б.

(Пятигорск)

Фоносемантические идеи в «Корнеслове» А.С. Шишкова

«Алекса́ндр Семёнович Шишко́в (9(20) марта 1754, Москва — 9(21) апреля 1841, Санкт-Петербург) – русский писатель, военный и государственный деятель. Государственный секретарь и министр народного просвещения. Один из ведущих российских идеологов времён Отечественной войны 1812 года, известный консерватор, инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 года. Президент литературной Академии Российской, филолог и литературовед. Адмирал (1823)» (Википедия).

По внушительности и характеру послужного списка эта фигура напоминает Вильгельма фон Гумбольдта, его же современника, однако с одной существенной разницей: Гумбольдт признан одним из

основоположников лингвистики как науки, а Шишков – всего лишь радикальным славянофилом. Немалую роль в подобном вердикте сыграли его взгляды, собранные в так и не опубликованном при жизни автора произведении «Славянорусский корнеслов»[1]. В научных лингвистических кругах эти взгляды никто не воспринимает всерьез, в первую очередь, из-за главного тезиса: русский, или словенский язык является праязыком всего человечества. Это сегодня, при сложившейся богатой сравнительно-исторической традиции, с ее относительно строгими методами, подобная мысль могла бы прозвучать только в устах лингвистически не образованного дилетанта. Но ведь первая половина XIX века только открыла тот путь, который и возвел языкознание в статус науки – сравнительно-исторический метод. К тому же зарождение его происходило в основном в Германии (Гумбольдт, братья Шлегели, Бопп, братья Гримм). Судя по отсутствию в книге каких-либо ссылок на этих или других ученых, А.С. Шишков руководствовался исключительно собственными откровениями, хотя практика упоминания чужих исследований в то время уже становилась нормой[2]. Тем не менее, пока что было рано говорить о «научном сообществе». Скорее, можно предположить об «идеях, витающих в воздухе». Иначе как можно объяснить уже в конце XIX века поворот к структурализму одновременно почти не публиковавшегося Соссюра, с одной стороны, и Фортунатова, Бодуэна де Куртенэ, Крушевского, с другой?

И всё же, оставив в стороне славяноцентрическую гипотезу происхождения языка и некомпетентность с современной точки зрения этимологических штудий автора, я предлагаю заострить внимание на

[1] В электронном виде текст 4-го издания «Славянорусский корнеслов. Язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных» (СПб.: Издатель Л. С. Яковлева, 2009) можно прочитать по адресу: http://yadi.sk/d/O_0TnKIz16s_B.

[2] Ср., напр., у В. фон Гумбольдта: «Эвальд в своей «Еврейской грамматике (§93, с. 144; §95, с. 165) не только в явном виде указал на двусложность корневых слов семитских языков, но также мастерски провел эту идею через всё учение о языке. Мысль о том, что семитские языки образуют словоформы и отчасти формы склонения и спряжения исключительно путем изменений внутри самих слов и в силу этого обретают свой особый характер, подробно развил и по-новому рационально использовал в классификации языков Ф. Бопп (см. «Сравнительную грамматику…» Ф. Боппа, с. 107-113) [Гумбольдт: 99].

определенных его позициях, стяжающих прошлое и будущее лингвистической науки.

Так же, как и Гумбольдт, а вместе с ним и целая плеяда предыдущих ученых, рассуждавших о зарождении языка (Платон, Лейбниц, де Бросс, де Жеблен, Нодье и др.), А.С. Шишков был убежденным сторонником звукоизобразительной природы глоттогенеза, считая главнейшим принципом создания первых слов подражание: «Я почитаю язык наш столь древним, что источники его теряются во мраке времен; столь в звуках своих **верным подражателем природы,** что, кажется, она сама его составляла» [Шишков: 1]. Впрочем, в другом отрывке [с. 63-65] автор представляет более расширенную схему происхождения и эволюции языка в виде следующих этапов: 1) междометия (гласные); 2) междометия (гласные + согласные); 3) редупликация; 4) звукоподражание; 5) установление производных слов на основе сближения понятий. Вспомним, что о первичности междометий в глоттогенезе писал ранее Ш. де Бросс [Brosses] и позже А.А. Потебня [Потебня], а последний этап словопроизводства напоминает аналогический способ соединения понятия со звучанием у В. фон Гумбольдта (сходство звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий) [Гумбольдт: 94] или деривацию у де Бросса. Звукоподражание как одна из основ первичной номинации отмечается практически всеми учеными-фоносемантистами. Что же касается явления редупликации, то ему, как мне известно, стали уделять особое внимание только в новейшее время (см.: Воронин 1982, Колева-Златева 2008).

Главная и наиболее ценная мысль, которой неукоснительно придерживается А.С. Шишков, заключается в расширении первичного «корневого» словаря за счет формальных мутаций и переходов к смежным понятиям (семантических сдвигов). Вот как, например, он описывает формально-семантическое развитие от очевидных звукоподражаний: «[…] Заметив звукоподражательно тяжелое во время сна дыхание *canum,* состояние, в котором сие дыхание совершается, (человек) назвал с малым

изменением *спит.* Иногда к дыханию сему присовокупляется некоторая в горле игра, которую также, подражая звуку ее, наименовал он *хрипеть, храпеть, храпатъ,* и произвел от первого ветви: *хрипун, хрыч, хрычовка, охрипнуть;* от второго и третьего *храпун, храпуга, храпок,* откуда стал говорить: *храпство, хороба, храбрость.* Так от одного понятия стал он переходить к другому, смежному с ним, и от каждого из понятий производить семейства слов» [Шишков: 65]. Основание для развития от «храпеть» к «храбрости» автор объясняет следующим образом: «Слово *храпство,* изменяясь в *храбство,* перешло от означения звука или голоса к означению самих чувств, приведенных в состояние разгорячения, возбуждения, и стало выражать смелость, отважность, решительность в опасностях» [с. 38]. В этой связи вспоминается Лейбниц с его аналогичным описанием развития от чисто звукоподражательного «квакать» до понятий «жизнь, живое», «быстрый», но на материале сходных корней из родственных немецкому языков [Лейбниц: 279].

Продолжая тему звукоподражания, А.С. Шишков усматривает звукоизобразительные свойства у двухсогласных звукосочетаний *кр-, гр-, хр-*, которые в современной фоносемантике получили название **«фонестемы».** Вряд ли ученый был знаком с опусом Джона Уоллиса «*Grammatica linguae Anglicanae*» (1653), который, будучи больше признан как выдающийся математик, указал на семантический статус этих образований. Вслед за Уоллисом к этому явлению вновь обращались Ш. де Бросс (1765) и Ф. Шаррассен (1842). В XX веке проблематика фонестемы захватывает целый ряд исследователей: Ф. Хаусхолдер, Ю.Найда, Д.Болинджер, Дж.Смизерс, Б.Л.Уорф, Х.Марчанд, Л.Блумфилд, Р.Уэскотт, М. Магнус, О. Абелин и др. (см. Михалёв 2008). Наряду с этими звукосочетаниями А.С. Шишков рассматривает также фонестемы *тр-, стр-, пл-*, но, примечательно, что он допускает сохранение их семантической идентичности как в бесконтактном проявлении, будучи разделенными любыми гласными звуками, так и даже в метатезе или в неначальной позиции: напр., *тр- > стр- > прст* (*перст*,

просто) [с. 52]. С другой стороны, автор видит общий инвариант среди вариаций *кр-*, *гр-*, *хр-*: «Мы приемлем *кр* или *хр* или *гр* за один и тот же корень по той причине, что согласные *к, г, х,* стоящие переду, все гортанные, и потому легко одна вместо другой произносятся» [с. 32]. И в первом, и во втором случае ученый приближается к понятиям **«фонемотипа»** (обобщенного инварианта фонем с единым дифференциальным признаком) и **«морфемотипа»** (инвариантной корневой метаструктуры, образованной двумя консонантыми фонемотипами с варьирующими гласными между ними) [Михалёв 1995: 70-72]. Однако здесь ученому не хватило последовательности (или сопротивлялся словарный материал): к рассмотренным *тр-* и *пл-* логика требовала привлечения и исследования коррелятивных по дифференциальным признакам пар *др-* и *бл-*.

Относительно звукоизобразительных первооснов в наименовании А.С. Шишков так же не всегда последователен. Если за исходные значения для *кр-*, *гр-*, *хр-* («разные гласы или шумы») и *тр-* («тереть») взяты звукоподражания, то не понятно, почему ключевым для *пл*-лексики стал корень *пол* («напольное покрытие»), производными от которого он считает *пила*, *пилить*, *пола* (у платья), *полено*, *пласт*, *поле*, а объединяющим их все семантическим признаком – «делить пополам» [с. 55]. Среди этого ряда слов только *пилить* связано со звуком и тогда должно было быть поставлено первичным. Но, видимо, для Шишкова главный критерий выделения первоисточника – это формальная краткость. Даже определив звукоизобразительный первоисточник *гром* в *гр*-лексике и по-своему обосновав производное от него *гора*[3], автор рассматривает большинство слов с *г-р* как производные от последнего (*гореть*, *грести*, *горе*, *горький*, *грех* и т.д.) и исключает возможность словопроизводства от разных фоносемантических центров, в том числе и звукосимволических (как в случае с *пл*-лексикой). Тем не менее, в анализе одного из корней – МР – он

[3] «Назвав *гром,* человек стал дальше соображать и рассуждать. С понятием о *громе* естественно соединялось понятие о высоте, поскольку *гром* всегда сверху слышится. Отсюда, увидя нечто отличной высоты, он тотчас (не по стуку, но по высокости) снес сию вещь со словом *гром* или *гором* и назвал *гора*» [с. 36].

все-таки встречает явление звукосимволизма: «Звук *мр,* состоящий из сих двух букв, кажется естествен чувствам нашим, когда мы голосом изъявляем что-нибудь противное или неприятное. Этот звук словно потрясает губы и язык наш. Взгляд на камень, на дерево, на цветок, на ручей не производит над душою такого сильного действия, как взгляд на мертвого человека или животное. Здесь ужас, соединенный с боязнью, отвращением, потрясая чувства наши и сообщая сие потрясение языку, понуждает его произнести звук *мр,* от которого произошли потом ветви: *мру, умираю, мертвый, смерть*» [с. 109]. Ясно, что речь здесь идет уже не о звукоподражании, а об особой связи звуков с человеческими эмоциями. С.В. Воронин назвал эту связь «синестэмией» [Воронин 1982: 85].

Для А.С. Шишкова познание языка возможно только через осознание его первородных корней и их изначальных значений. Отсюда стремление автора вскрыть эти протокорни в современных для него словах русского и различных европейских языков, берущих, по его мнению, свое начало в старославянском протоязыке. Конечным результатом своих этимологических разысканий Шишков видел создание словаря нового типа, словопроизводного, противопоставляя его традиционному алфавитному («азбучному»): «Азбучному нет никакой надобности до начала и происхождения слов; он показывает только ветвенное их значение, не заботясь, из какой мысли оно породилось. Словопроизводный, напротив, открывает в ветвенном значении коренное, и таким образом восходит к самому началу созидавших язык мыслей человеческих. Первый нужен для случайных справок о словах, второй для познания языка во всем его пространстве» [с. 88]. Интересно, что в 1842 г. (т.е. через год после смерти Шишкова) подобный словарь, но только для французского языка, увидел свет. Его автор, Ф. Шаррассен [Charrassin] попытался сгруппировать лексику по формально-семантическому принципу, разбивая слова на значимые морфемы (корни, префиксы, суффиксы) и выводя значение каждого слова из суммы значений его морфологических компонентов. При этом корни у

Шаррассена могли состоять всего лишь из двух фонем. К сожалению, этот словарь имел тот же недостаток, который приписывают словарным материалам Шишкова: сомнительные этимологии. Примечательно, что А.С. Шишков так же допускает существование микрокорней, состоящих только из одного согласного: «Значение слова заключается в корне, который, по причине многого извлечения из него ветвей, иногда изменяет, иногда теряет свои буквы, так что часто остается при одной согласной, и только потому приметен, что при всех своих изменениях и сокращениях не престает изъявлять то же самое, общее всем языкам коренное понятие, от которого каждый из них производил свои ветви» [с. 28]. Это мнение, продолжающее предыдущую фоносемантическую традицию, находит свое подтверждение и в новейшее время [Воронин, Левицкий, Михалёв], хотя начальный согласный рассматривается теперь не как остаток корня, а как корне- и смыслообразующий для корня и слова компонент со своим семантическим потенциалом.

Анализируя ряды слов с предположительно общими корнями и интерпретируя исходную семантику для производных словообразований, Шишков фактически открывает явление, которое позже А.А. Потебня назовет внутренней формой слова. Собственно, именно она и служит для него путеводной нитью в поисках начала начал, именно она служит главным доказательством исторического приоритета «нашего», славенского языка над остальными европейскими языками. По глубокому убеждению автора, тот язык старше, у которого в словах «прочитывается» внутренняя форма, тогда как все остальные языки всего лишь бездумно её заимствуют. В качестве одного из примеров этого тезиса Шишков приводит слово *воск*: «Но которому же из языков оно, собственно, принадлежит? Без сомнения, тому, который качество сей вещи сблизит с данным ей наименованием. *Воск,* сказано в Академическом словаре, есть вещество *вязкое.* Отсюда тотчас видеть можно, что *воск* (подобно другим от того же корня *вязать* ветвям, как *вязко, вязнуть)* по вязкости качества своего назван сперва *вязк* или *вяск,* а

потом *воск,* поскольку буквы *з и с, я* или *а* и о, легко одна вместо другой произносятся. Напротив, немецкие слова *kibrigkeit, zahigkeit,* соответствующие русскому *вязкость,* не могли подать повода к произведению от них имени *wachs*» [с. 105]. Таким же образом он сопоставляет фр. *robe* «платье» и рус. *руб*, *рубище*, *рубашка*, которое, в отличие от французского, сохраняет свою внутреннюю форму (< *рубить*) [с. 29].

И снова возвратимся к Гумбольдту и его сквозному тезису о связи духа народа с внутренней формой языка, развившемуся в XX веке в гипотезу лингвистической относительности Сэпира-Уорфа. Весь пафос этимологических опытов А.С. Шишкова зиждется именно на этой идее: «Каждый народ по собственному соображению и свойству языка своего рассуждает» [с. 119]. Но есть основные общие между языками понятия, сосредоточенные в сходных первородных корнях: «Главная в языках разность в том, что иной имеет тысячу ветвей, а другой из того же корня извлекает их не более десяти» [с. 31]. Если отвлечься от славяноцентристской теории происхождения языка, то не предчувствие ли это ностратической гипотезы?

Библиографический список

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
2. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М. Прогресс, 1984. – 397 с.
3. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звукосимволического происхождения. Tractata slavica universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Дебрецен, 2008. – 355 с.
4. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М., 1936. – 484 с.
5. Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.
6. Михалёв А.Б. Психолингвистическая проблематика фонестемы // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы IV Международных Березинских чтений. – Вып. 14. – М., 2008. – С.140-146.

7. Потебня А.А. Мысль и язык. Типография Адольфа Дарре, 1892. – 228 с.
8. Шишков А.С. Славянорусский корнеслов. Язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных. СПб.: Издатель Л. С. Яковлева, 2009. – 138 с.
9. Brosses Ch. de. Traité de la formation mécanique des langues. P.: Saillant, Vincent & Dessaint, 1800.
10. Charrassin Fr. Dictionnaire des racines et dérivés de la langue française. P.: Héois, 1842. – 738 p.